

DOI 10.17150/978-5-7253-3001-4.03

УДК 94(571.1)«1935/1937»

ББК 63.3(253.3)613

В.А. ИЛЬИНЫХ

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОЛХОЗНОЙ СИСТЕМЫ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1935–1937 ГОДАХ*

В статье осуществлена реконструкция особенностей функционирования колхозной системы в Западной Сибири в 1935–1937 гг. Анализ проводился в контексте аграрной политики Советского государства. Определены динамика и факторы колхозного строительства. Установлено, что основными причинами низких темпов развития колхозного производства являлись отсутствие у работников стимулов к труду, неудовлетворительная организация производства.

Ключевые слова: аграрная политика Советского государства, сельское хозяйство, коллективизация, колхозы, Сибирь.

V.A. ILINYKH

THE FUNCTIONING OF THE KOLKHOZ SYSTEM IN WESTERN SIBERIA IN 1935–1937

The article reconstructs specific features of the kolkhoz system functioning in Western Siberia in 1935–1937. This system has been analyzed within the context of agricultural policies of the Soviet State. The author determines dynamics and factors of organization of collective farms. It is established that the main causes of the low growth rate of agricultural production were the lack of impetus for labor and unsatisfactory organization of production.

Keywords: agricultural policy of the Soviet state agricultural industry, collectivization of agriculture, kolkhoz, Siberia.

---

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-09-00031 «Аграрный строй в Сибири в 1930-е гг.: становление и функционирование колхозной системы».

Начавшаяся в 1930 г. массовая коллективизация должна была решить задачу замены мелкотоварного уклада крупным. Уже в 1931 г. аграрная экономика региона перестала быть крестьянской. Организационно-производственной основой новых аграрных отношений стали колхозы. Следствием скоротечного реформирования аграрного строя было падение производительных сил. Перед властями вновь встала задача восстановления сельского хозяйства. Его подъему должны были способствовать реформирование системы заготовок сельхозпродукции, наращивание материально-технической базы, мероприятия по рационализации труда в колхозах. В 1933–1934 гг. социалистический сектор сельского хозяйства начал работать более устойчиво. С 1933 г. начался рост зернового производства, с 1934 г. — животноводства. Важным этапом развития колхозной системы явился период с 1935 по 1937 г.

Задачей настоящей статьи является анализ особенностей функционирования колхозной системы в 1935–1937 гг. в Западной Сибири, являвшейся одним из основных сельскохозяйственных районов страны. В территориальные рамки работы входят с конца 1934 по сентябрь 1937 г. Западно-Сибирский край и Омская область, с сентября 1937 г. — Алтайский край, Новосибирская и Омская области.

Количественные изменения в колхозном секторе в исследуемый период определялись темпами коллективизации и мероприятиями по оптимизации размеров хозяйств. В конце 1934 г. начался очередной этап наступления большевистского режима на единоличное крестьянство. Усиление налогового пресса вызвало нарастающее падение численности и удельного веса единоличников. Уровень коллективизации в Западной Сибири вырос с 67,4 % на 1 июля 1934 г., до 82,9 % на 1 июля 1935 г. и до 92,2 % на 1 июля 1936 г. Однако этот рост происходил не столько за счет приема в колхозы новых членов, сколько за счет существенного сокращения сельского населения. Бывшие единоличники в большинстве своем не вступали в колхозы, а уходили в города и рабочие поселки. Число колхозных дворов в регионе с июля 1934 г. по июль 1936 г. увеличилось всего на 124,1 тыс., или на 14,6 %. В 1936/37 г. темпы коллективизации резко снизились. На 1 июля 1937 г. ее уровень в Западной Сибири составлял 94 %. При этом выходы и исключение колхозников из сельхозартелей привели к сокращению числа колхозных дворов — на 39 тыс. за год [12, с. 2–3].

Число колхозов в регионе увеличилось с 12 тыс. на 1 июля 1934 г. до 14,6 тыс. на 1 июля 1935 г. (на 21,7 %). Больше половины из них являлись новыми хозяйствами, образованными из единоличных хозяйств. Возникновение остальных было связано с разукрупнением уже существующих колхозов. В 1935/36 г. темпы прироста резко снизились, а в 1936/37 г. число сельхозартелей сократилось с 14,8 тыс. до 14,7 тыс. Укрупнялись так называемые карликовые хозяйства, количество которых выросло в связи

с увеличением числа колхозников, вышедших или исключенных из колхозов. В Западной Сибири в итоге средние размеры колхозов сократились с 71 двора на 1 июля 1934 г. до 63 дворов на 1 июля 1937 г. [12, с. 2–3].

В среднем на один колхоз в Западной Сибири в 1937 г. приходилось 1,7 полеводческих бригад. По одной бригаде насчитывалось в 51,8 % хозяйств региона (в Алтайском крае — в 60,3 %). Полеводческие бригады состояли в среднем из 55 колхозников [12, с. 50]. Продолжалось формирование животноводческих ферм и обслуживающих их бригад. VII Съезд Советов СССР поставил задачу добиться, чтобы «уже в 1935 г.» не осталось ни одного колхоза без животноводческой фермы [17]. Поскольку данную задачу в хозяйствах с небольшим количеством скота было выполнить трудно, помимо специализированных стали создаваться смешанные фермы, кроме того, в массовом порядке организовывались конефермы. В 1935–1937 гг. на территории Новосибирской области количество молочно-товарных ферм (МТФ) выросло на 43 %, свиноводческих товарных ферм (СТФ) — на 37, овцеводческих товарных ферм (ОТФ) — на 50 %. За эти годы в области было создано 1799 смешанных животноводческих ферм, а число конеферм увеличилось с 84 до 2 774. Тем не менее руководству области и к концу 1937 г. не удалось достичь поставленной VII Съездом Советов цели. На 1 января 1938 г. без ферм в Новосибирской области осталось 13 % колхозов. В Алтайском крае ферм не имело 6 % хозяйств, в Омской области — 4 %.

В Западной Сибири на одну МТФ, СТФ и ОТФ в среднем приходилось 152, 60 и 239 голов профильного скота соответственно. Средний размер смешанных ферм составлял 69 голов. Бригада по уходу за крупным рогатым скотом (КРС) в среднем состояла из 13,3 работников, свиноводческая — из 3,2, овцеводческая — из 2,9 чел. [12, с. 53, 99, 102; 11, с. 79]. Таким образом, большинство свиноводческих и овцеводческих бригад в регионе фактически представляли собой небольшие звенья.

Организационно-хозяйственному укреплению колхозов должно было способствовать расширение сети МТС. За 1935–1937 гг. их число в Западной Сибири возросло с 235 до 416. Количество тракторов в МТС увеличилось с 13,6 тыс. до 26 тыс., зерноуборочных комбайнов — с 2 019 до 10 742, грузовых автомобилей — с 1250 до 5001. Мощность тракторного парка выросла в 2,4 раза. В 1937 г. МТС обслуживали 71 % колхозов региона. Вырос уровень механизации основных процессов зернового производства. Пахота под яровые была механизирована на 68,4 %, посев яровых — на 50,1, уборка зерновых — на 47,4, посев озимых — на 43,9, вспашка зяби — на 80,5 %. Количество тракторов в среднем на одну МТС в 1935 г. составляло 69 шт., в 1936 г. — 71, в 1937 г. — 62 шт. [12, с. 24–26, 33–34]. Сокращение средних размеров машинно-тракторных станций в 1937 г. явилось следствием реализации постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 января 1936 г., в соответствии с которым

в северных районах Западно-Сибирского края надлежало развернуть «сеть новых машинно-тракторных станций» [1, с. 64–67]. В связи со спецификой данных районов (низкая заселенность, разбросанность удобных для пахоты участков, отсутствие дорог и т.п.) вновь образуемые МТС здесь должны были состоять из 15–20 тракторов.

Наряду с механизацией зернового производства проводились мероприятия по улучшению агротехники и внедрению севооборотов. Площадь паров в Западной Сибири с 1934 по 1937 г. возросла в 2,7 раза, площадь зяби — в 3,5 раза. В 1937 г. в колхозах Новосибирской области посев пшеницы по зяби составил 31,3 %, по парам — 34,5 %, в Алтайском крае — соответственно 37,1 и 23,5 % [8, с. 470]. Увеличивались масштабы снегозадержания и вывоза на поля навоза, посадки лесозащитных полос в степной полосе.

Для увеличения доходности колхозов в 1935–1937 гг. власти пошли на снижение нормативных размеров хлебосдачи. В 1935 г. были несколько уменьшены погектарные нормы зернопоставок для колхозов Западной Сибири, не обслуживаемых МТС. В 1936 г. последовало более существенное снижение норм обязательных хлебопоставок. В 1937 г. в сторону уменьшения были пересмотрены расценки за работы МТС, а также еще раз снижены погектарные нормы хлебосдачи. Кроме того, в 1937 г. с колхозов списали недоимки и задолженности прошлых лет по зернопоставкам, ссудам и натуроплате, а также частично отсрочили возврат ими натуральных ссуд, полученных в 1937 г. [13, с. 132].

Несмотря на предпринимаемые усилия по развитию «общественного» хозяйства, наращивание его производственного потенциала в 1935–1937 гг. не соответствовало запланированным показателям и потребностям страны. Среднегодовые темпы прироста поголовья продуктивного скота в колхозах региона по сравнению с 1933–1934 гг. снизились. Численность КРС в них на 1 января 1938 г. превышала показатели начала 1935 г. на 30,7 %, коров — на 19,4, овец и коз — на 71,9, свиней — на 23,9 %. Данные результаты существенно уступали показателям роста поголовья в ЛПХ сельских жителей. Продолжалось сокращение числа рабочих лошадей: в конце 1937 г. в западносибирских колхозах их было на 8,3 % меньше, чем в начале 1935 г. [10, с. 120, 139, 140].

Площадь колхозных посевов в условиях существенного прироста земельных угодий и увеличения уровня коллективизации с 1934 по 1937 г. в целом по Западной Сибири выросла на 8,1 % (с 1932 по 1934 г. — на 20,2 %). [14, с. 6, 8]. Урожайность зерновых и продуктивность скота хотя и выросли, но оставались достаточно низкими. Подобные выводы были, в частности, сделаны январским (1936 г.) пленумом Западно-Сибирского крайкома ВКП(б), в резолюции которого содержались следующие положения: «урожай зерновых и технических культур (свекла, лен) все еще остается недопустимо низким и неустойчивым»; «размеры удоя молока

и настрига шерсти вследствие плохого ухода за скотом остаются неудовлетворительными» [15, с. 13].

В целом достаточно низким было и качество машинно-тракторных работ. Квалифицированных кадров в МТС не хватало. Ремонтно-техническая база отставала от возрастающих потребностей. В Новосибирской области в конце 1937 г. в 128 МТС насчитывалось только 62 мастерских. Большинство машинно-тракторных станций в северных и северо-восточных районах не имели ремонтной базы и вынуждены были производить ремонт в мастерских, находящихся от них за многие десятки километров (Кривошеинская МТС — за 150 км, Рыбаловская — за 130, Ижморская — за 120, Мотковская МТС — за 80 км) [11, с. 66]. Постоянным был дефицит запчастей. Ремонт техники затягивался и проводился неудовлетворительно. Частыми были поломки. Трактора не были в достаточной степени обеспечены прицепным инвентарем. Секретарь Тоугучинского райкома ВКП(б) в начале 1938 г. информировал обком о том, что Тоугучинская МТС обеспечена плугами лишь на 53 % мощности тракторного парка, Коуракская МТС — на 64,5, Сурковская МТС — на 79 %. «Недостаёт также сеялок, культиваторов». «В Тоугучинской МТС из-за отсутствия горючего в 1937 г. простояли трактора ЧТЗ 585 машино-дней, трактора СТЗ и ХТЗ простояли 320 машино-дней, комбайны — 322 машино-дня и автомашины — 126 машино-дней. За эти дни простоя трактора могли вспахать 16 920 гектаров, комбайны убрать 3 220 гектаров, автомашины перевезти 756 тонн грузов» [5, л. 60–61].

Глубокая тракторная вспашка под зерновые культуры негативно сказывалась на плодородии почвы. Несовершенство комбайнов приводило к значительным потерям зерна при уборке. Не хватало не только сложного тракторного сельхозинвентаря в МТС, но и простого конного в колхозах. В начале 1935 г. в 139 колхозах Кыштовского района Западно-Сибирского края насчитывалось 78 конных сеялок, 220 молотилок (в том числе одна сложная и 24 полусложных), 203 жатки самосборки, 2 сноповязалки, 2 силосорезки. Несмотря на значительный удельный вес в посевных площадях льна и конопли, в районе отсутствовал инвентарь по их уборке, проводившейся полностью вручную [2, л. 578 об].

Во многих колхозах ощущался дефицит рабочих лошадей, а наличное поголовье находилось в неудовлетворительном состоянии. На это влияла недостаточная кормообеспеченность, резко возрастающая в недородные годы, плохой уход за лошадьми, необеспеченность помещениями в стойловый период. На состоянии конепоголовья не могло не отразиться массовое привлечение колхозных лошадей к выполнению государственной гужевой повинности. Секретарь Кыштовского района по этому поводу писал: «Весь состав рабочих лошадей буквально не вылезает из хомута круглый год — будучи занят на перевозках различных грузов, имеющих государственное значение: хлеб, мясо, масло,

льнопродукция, заброска в район различных материалов и т.д. Создается чрезвычайно большая трудность в подготовке конской тягловой силы к весенним полевым работам. Не подготовив, как это требуется, лошадей, мы запаздываем в сроках выполнения с[ель]х[оз]работ» [2, л. 577].

Уровень агротехники оставался неудовлетворительным. Несмотря на постоянный рост объемов внесенных удобрений, площади, на которых они применялись, оставались мизерными. В 1936 г. в колхозах Западно-Сибирского края органические удобрения были внесены на 0,8 %, а минеральные — на 0,6 % площади посева яровой пшеницы. Большое количество семян оставалось некондиционным. Удельный вес посевов сортовыми семенами яровой пшеницы в Западной Сибири в 1936 г. составлял 59 %, озимой ржи — 10, льна-долгунца — 42, подсолнечника — 21 %. В 1937 г. площадь сортовых посевов снизилась. На территории Новосибирской области сортовыми семенами пшеницы засеяли 44 % площадей, Алтайского края — 55 % [8, с. 471; 9, с. 135]. Одна из причин этого заключалась в принуждении колхозов сдавать зерно с сортовых участков в счет выполнения годовых заданий по хлебосдаче.

Проверка в начале лета 1937 г. показала, что только 785 колхозов Западно-Сибирского края (8,1 %) имели севообороты. В 4 816 хозяйствах (49,7 %) они не отвечали предъявляемым на тот момент требованиям (были нарушены, неправильно нарезаны или являлись трехпольными), а 4 089 колхозов края (42,1 %) вообще не имели никаких севооборотов [18]. Алтайский крайземотдел сообщал в Наркомзем, что «нарушение севооборотов и вместе с тем нарушение элементов агротехнических требований по использованию земли, перегрузка посевными заданиями ряда колхозов привели к сокращению во многих колхозах парового клина и к посеву зерновых на одном месте несколько лет подряд. В результате — сильная засоренность полей сорняками, падение урожайности» (цит. по: [9, с. 136]).

Проведенное в конце 1937 г. в Омской области выборочное обследование выявило, что специализированными помещениями было обеспечено 58 % поголовья КРС, 54 % свиней, 34 % овец [9, с. 145]. Достаточно высоким оставался падеж, особенно молодняка. Исполняющий обязанности секретаря Новосибирского обкома ВКП(б) И.И. Алексеев в письме И.В. Сталину сообщал, что в области «только за 10 месяцев 1937 г. пало и пропало лошадей — 18 172, или 7,2 %, крупного рогатого скота (вместе с молодняком) — 49 998 голов, или 8,5 %, овец и ягнят — 64 512 голов, или 12,4 %, свиней и поросят — 59 653 головы, или 44,3 %» [7, л. 39].

Негативное влияние на динамику сельского хозяйства оказывали ежегодные локальные недороды: в 1935 г. — на Алтае, в 1936 г. — в ряде южных и юго-западных районах Западно-Сибирского края и Омской области, в 1937 г. — в северо-западных районах Омской области. Неурожай вызывали обострение кормовой проблемы и приводили к нехватке семян.

Несмотря на то, что нормы сдачи зерна во второй половине 1930-х гг. стали меньше, уровень податного обложения колхозов практически не снизился. Объяснение такого парадокса заключается в постоянном увеличении объемов сельхозработ, выполняемых МТС. Их оплата «съедала» всю прибавку, которую хозяйства могли получить от уменьшения норм и расценок. Общие размеры натуроплаты постоянно увеличивались. К концу 1930-х гг. она стала одним из основных каналов поступления хлеба государству. В 1937/38 г. колхозы Омской области в счет натуроплаты сдали 350 тыс. т зерна, а в счет обязательных поставок — 273,2 тыс. т, колхозы Алтайского края — соответственно 367,7 тыс. и 390 тыс. т [13, л. 247, 248]. При этом следует иметь в виду, что в соответствии с принятым порядком исчисления натуральной оплаты процент ее изъятия в хозяйствах, получивших более высокий урожай, был больше, чем в менее урожайных.

В этих условиях оплата труда колхозников оставалась крайне низкой. В неурожайные годы выдачи зерна на трудодни были минимальными, а в ряде колхозов его вообще не выдавали. В октябре 1935 г. Западносибирское крайземуправление указало на наличие в крае «немалого» количества колхозов, «где колхозники в течение двух лет почти не получают ничего на трудодень» [3, л. 13]. В докладной записке Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) и крайисполкома, направленной в ЦК ВКП(б) и СНК СССР, сообщалось, что в 1936 г. «вследствие исключительно низкого сбора зерновых» в районах Кулундинской степи «распределение на трудодни зерна в большом количестве колхозов ограничилось выдачей аванса во время молотбы» [4, л. 112]. В самом урожайном из 1930-х гг. — 1937 г. — в Новосибирской области без выдачи зерна остались 72 колхоза (1,4 % от общего числа), в 378 колхозах (7,4 %) выдача зерна на один трудодень не превышала 1 кг, т.е. была фактически сведена к выдаче аванса [6, л. 8].

Поскольку засуха негативно сказывалась и на состоянии приусадебного хозяйства, в деревне начинался голод, локализованный в недородных районах. Так, в письме омских руководителей в ЦК ВКП(б) и СНК от 11 мая 1937 г. с просьбой о выделении продовольственной ссуды для неурожайных районов сообщалось «о полном отсутствии хлеба во многих колхозах». «Имеются факты, когда на почве отсутствия хлеба развиваются заболевания, установлены многие случаи употребления в пищу трупов павших животных (районы: Вагайский, Дубровинский, Исетский, Упоровский, Омутинский и др.)» [13, л. 224].

В урожайные годы оплата труда колхозников увеличивалась. Но при этом выросло и их обложение добровольно-принудительными платежами и сборами. Часть денежных выплат шла на приобретение госзаймов, а натуральных — на хлебозакуп. В Омской области в постурожайном 1937/38 заготовительном году поступление хлеба от кол-

хозно-крестьянского сектора сельской экономики за счет его закупок потребкооперацией увеличилось почти на четверть, а в неурожайном 1935/36 г. — только на 6 % [13, л. 247].

Низкий уровень оплаты труда не создавал стимулов к повышению его производительности. Многие колхозники предпочитали работать в личном хозяйстве. На «общественных» полях и фермах большинство из них трудилось «спустя рукава». Рабочий день во многих колхозах даже в период уборочной начинался в 10–11 часов утра и заканчивался в 17–19 часов вечера, сопровождался большим количеством перекуров и простоев. Показателем отчуждения крестьян от «общественной» собственности стал слоган: «Не свое — колхозное», ставший своеобразным *modus vivendi* значительной части членов колхозов.

Таким образом, спровоцированный массовой коллективизацией кризис сельского хозяйства Западной Сибири в середине 1930-х гг. был в целом преодолен. Выросли посевные площади, поголовье скота. Существенный вклад в восстановление аграрного сектора экономики внесли колхозы. Тем не менее поставленная руководством страны задача за годы второй пятилетки добиться удвоения общего объема производства сельскохозяйственной продукции не была достигнута. Не выполнили своих пятилетних планов и западносибирские власти. Основными факторами низких темпов развития сельского хозяйства являлись сверхнормативное изъятие продукции, отсутствие у колхозников стимулов к труду, крайне неудовлетворительная организация производства в колхозах.

Список использованной литературы и источников

1. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). — Постановление СНК СССР. — 1936. — Т. 1.
2. ГАНО. — Ф. П-3. — Оп. 9. — Д. 887.
3. ГАНО. — Ф. П-3. — Оп. 10. — Д. 779.
4. ГАНО. — Ф. П-3. — Оп. 11. — Д. 627.
5. ГАНО. — Ф. П-4. — Оп. 2. — Д. 369.
6. ГАНО. — Ф. П-4. — Оп. 2. — Д. 391.
7. ГАНО. — Ф. П-4. — Оп. 34. — Д. 5.
8. Гуцин Н. Я. Сибирская деревня на пути к социализму (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.) / Н. Я. Гуцин. — Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1973. — 518 с.
9. Гуцин Н. Я. Крестьянство Западной Сибири в довоенные годы (1935–1941) / Н. Я. Гуцин, Э. В. Кошелева, В. Г. Чарушин. — Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1975. — 284 с.
10. Животноводство СССР за 1916–1938 гг. : стат. сб. — М., Л. : Госпланиздат, 1940. — 220 с.
11. Итоги хозяйственного и культурного строительства в Новосибирской области за второе пятилетие (1933–1937 гг.). — Новосибирск : б.и., 1939. — 128 с.

12. Колхозы во второй сталинской пятилетке : стат. сб. — М., Л. : Госпланиздат, 1939. — 143 с.
13. Политика раскрестьянивания в Сибири: хроникально-документальный сборник / отв. ред. В. А. Ильиных, О. К. Кавцевич. — Новосибирск : Изд-во ИДМИ, 2000. — Вып. 1: Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства. 1930–1940 гг. — 210 с.
14. Посевные площади СССР: (динамика за 1928, 1932–1938 гг. в сопоставлении с 1913 г.) : стат. справ. — М., Л. : Госпланиздат, 1939. — 332 с.
15. Резолюции пленума Западно-Сибирского краевого комитета ВКП(б) 7–10 января 1936 г. — Новосибирск : Запсибкрайиздат, 1936. — 23 с.
16. Российский государственный архив социально-политической истории. — Ф. 17. — Оп. 21. — Д. 3139.
17. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. — 1935. — № 8. — Ст. 67.
18. Советская Сибирь. — 1937. — 11 июля.

Информация об авторе

Ильиных Владимир Андреевич — заведующий сектором аграрной истории, Институт истории Сибирского отделения РАН, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8; e-mail: agro_iwa@mail.ru

Author

Vladimir A. Ilinykh — Head of the Agrarian History Sector, Institute of History SB RAS; 8 Nikolaev St., 630090, Novosibirsk, Russia; e-mail: agro_iwa@mail.ru.